

В просторной тихой комнате стояла такая тишина, что было слышно, как падает игла.

За окном небо давным-давно потемнело, превратившись в полотно, густо залитое серой грязью.

Шелестящая листва духовного дерева, поддаваясь порывам ветра, опускала свои безмолвные ветви. Тени, змеившиеся по холодной плитке пола, напоминали затаенную злобу и собственничество, которые тихо бродили в глубине души Ши Сюньлюя.

Чувства, которые нельзя выставить на свет и о которых невозможно рассказать людям.

Возможно, никто не поймет, что когда Ши Сюньлюй только пришел в секту Юсянь и столкнулся с травлей, клеветой и побоями, лишь Юнь Тин протянул ему руку, вытащив из бездны всеобщего презрения.

Юнь Тин не позволил ему сгнить в грязи.

Они вместе склонились перед старшими, облачились в красные свадебные одежды и вошли в брачный покой...

Будь то прошлая жизнь или нынешняя, Юнь Тин для Ши Сюньлюя — единственная причина существования в этом мире. Их взаимное собственничество было предопределено, безо всяких причин.

Возможно, они влюбились друг в друга, даже не осознав этого...

Ши Сюньлюй не стал долго размышлять, лишь договорил то, что хотел, и медленно откинулся на подушки. Его пальцы с четко очерченными суставами то и дело постукивали по краю кровати, а густые, как вороново крыло, ресницы опустились, скрывая бушующий в глазах шторм.

Учитель принадлежит ему. Только ему.

Никто не смеет его отнять.

Лю Сучи, сидевшая на краю кровати, вздрогнула, испугавшись его ледяного взгляда.

Зрачки Ши Сюньлюя слегка покраснели, словно перевернутая чернильница с красной тушью или холодный пруд, скованный льдом, от которого веяло могильным холодом.

Лю Сучи изо всех сил старалась унять дрожь, охватившую тело от страха. Ее лицо побледнело, словно выцветшая картина, а пальцы судорожно сжимали подол платья. Стиснув зубы, она

спустя долгое время прохрипела:

— Ты хоть понимаешь, что об этом подумают люди?

Ши Сюньлюй резко поднял взгляд. Его глаза, залитые красным светом, мрачно уставились на Лю Сучи, но он молчал, лишь сжал ладони в кулаки так сильно, что на коже остались глубокие следы от ногтей.

Губы Лю Сучи задрожали. Подавив желание броситься наутек, она, не отводя взгляда от его пугающих красных глаз, понизила голос:

— Вы учитель и ученик, как вы можете... Это же абсурд! Позор на весь мир, нарушение всех этических норм и законов!

— Довольно!

Лю Сучи говорила все более возбужденно, почти теряя рассудок.

Лицо Ши Сюньлюя мгновенно переменилось, посинев от гнева. Его пальцы дернулись, он с трудом подавил охватившее его желание убить и оборвал девушку. Мощная аура, подобная урагану, хлынула наружу, сгустившись в духовную энергию. Она срезала прядь волос Лю Сучи, которая, к изумлению девушки, медленно опустилась ей на плечо.

Голос Ши Сюньлюя звучал холодно:

— Учителю об этом знать не нужно.

Он не хотел доставлять Юнь Тину лишних хлопот. Свои чувства он предпочтет нести в одиночку.

На губах Ши Сюньлюя появилась улыбка — насмешливая и одновременно полная горечи, мастерски скрывающая скрытую одержимость:

— От тебя требуется лишь одно: держись от него подальше.

Они говорили очень тихо, к тому же Ши Сюньлюй поставил звукоизолирующий барьер, словно стараясь скрыть содержание беседы. Юнь Тин, приникший к двери, уловил лишь обрывки фраз: ревность, не нужно говорить учителю... Слова не складывались в единую картину, оставляя его в полном недоумении.

Какая тайна может быть между Ши Сюньлюем и Лю Сучи, о которой ему нельзя знать?

Неужели Ши Сюньлюй влюбился в нее с первого взгляда и теперь требует держаться от него подальше, потому что недоволен тем, что она сегодня вступилась за него?

При этой мысли Юнь Тин медленно опустил глаза. Пальцы, впившиеся в косяк двери, побелели, а острый резной узор прорезал нежную кожу, пуская капли крови.

Он не чувствовал боли.

Голубая слезинка беззвучно скатилась по щеке, словно жемчужина русалки, упала на пол и растворилась, исчезнув без следа.

Скрип.

Дверь открылась.

Юнь Тин вздрогнул от испуга, поспешно отступил назад и выпрямился. Глаза его покраснели и намокли, а из-за чувства вины за подслушивание он в растерянности замер на месте.

Солнечный свет залил комнату. Юнь Тин стоял спиной к свету, и его лица было почти не видно. Ши Сюньлюй, с трудом выпроводивший Лю Сучи, увидев еще одного человека у порога, не смог сдержать раздражения. Он поднял рукав, закрываясь от слепящего света, и язвительно бросил:

— Кто это тут подслушивает, занимаясь подобными низкими делами?

Лю Сучи, пройдя всего несколько шагов, столкнулась с Юнь Тином. Она выглядела встревоженной, даже не подняла головы и, взглянув на него мельком, бросилась прочь, словно увидела привидение, не проронив ни слова извинения. Юнь Тин остался стоять, сжимая пальцы, ошеломленный.

Слова Ши Сюньлюя о низких делах глубоко задели его.

Юнь Тин знал, что подслушивать нехорошо, но ведь он последние дни не спал, собирая лечебные травы, чтобы вылечить раны Ши Сюньлюя, потратил столько сил, а тот, едва оправившись, заводит секреты с другими и еще смеет оскорблять его.

Глаза Юнь Тина мгновенно покраснели. Встретившись взглядом с прищуренными глазами Ши Сюньлюя, он сердито взмахнул рукавом и бросил:

— Раз ты не хочешь меня видеть, я уйду.

В голосе сквозила такая обида, что в горле застрял ком, а последние слова прозвучали почти шепотом, смешиваясь с ароматом лекарств, наполнявшим комнату, отчего становилось невыносимо горько.

Ши Сюньлюй мгновенно пришел в себя, краснота в его глазах начала угасать. Он смотрел на Юнь Тина с недоумением, словно очнувшись от наваждения и поняв, что совершил нечто недопустимое. Облитый ушатом холодной воды, он внезапно протрезвел.

Вспомнив, что он только что сказал Юнь Тину, Ши Сюньлюй ощутил жгучее раскаяние.

Он с трудом поднялся с кровати, бросился к выходу и обнял Юнь Тина со спины, виновато прошептал:

— Учитель, не злитесь, ученик говорил не о вас.

Юнь Тин был худощавым и стройным, казалось, он даже подрос за эти дни, и со стороны казалось, что Ши Сюньлюй просто повис на нем.

Ши Сюньлюй почувствовал, как тело Юнь Тина напряглось. Кожа под его пальцами была теплой, как нефрит, и он, не удержавшись, слегка сжал ее, оставив на белой коже едва заметные красные следы.

Юнь Тин тихо вскрикнул, стиснул зубы и, помня о ранах ученика, не решился оттолкнуть его силой. Он лишь сердито посмотрел на него:

— Отпусти.

— Не отпущу.

Ши Сюньлюй прекрасно знал, что стоит ему разжать руки, как Юнь Тин с его уровнем совершенствования исчезнет в мгновение ока. Он бесстыдно зарылся носом в шею учителя, вдыхая тонкий аромат, и потерялся о него:

— Ученик скучал по учителю.

Юнь Тин замер:

— ...Ты только что говорил, что не хочешь меня видеть.

Припоминая старые обиды, Юнь Тин снова почувствовал боль, и слезы подступили к глазам.

Ши Сюньлюй поспешно начал утешать его:

— Учитель, я просто перепутал вас с кем-то другим, не сердитесь, хорошо?

Когда он говорил, его теплое дыхание щекотала шею Юнь Тина. Его пухлые губы приоткрывались, обнажая кончик розового языка. Они стояли так близко, что казалось, вот-вот сольются в поцелуе.

Юнь Тин молчал, лишь опустив голову, чтобы скрыть свои покрасневшие, как у кролика, глаза.

Ши Сюньлюй перехватил его взгляд. У Юнь Тина были невероятно красивые миндалевидные глаза с чуть загнутыми уголками, полные искушения. Блестящие слезы на ресницах делали его взгляд чистым и прозрачным, словно гладь реки в лунном свете.

У Ши Сюньлюя пересохло в горле. Его кадык дернулся, и он непроизвольно подался вперед.

В его глазах снова вспыхнула знакомая жажда обладания, а синее пламя на лбу стало ярче — опасное и прекрасное.

Юнь Тин почувствовал неладное и инстинктивно отступил на два шага, но споткнулся о порог. Ши Сюньлюй ловко подхватил его за талию, и они вместе повалились на мягкий ковер.

— Учитель...

Аромат цветов персика, исходящий от Юнь Тина, был таким теплым и пьянящим, словно они оказались в опочивальне, озаренной мерцанием свечей.

Ши Сюньлюй чувствовал, как пламя в его груди разгорается все сильнее. Он провел большим пальцем по уголку глаза Юнь Тина, словно оставляя свою метку. Его голос звучал вкрадчиво, а в желтоватых зрачках отражались нахмуренные брови Юнь Тина:

— Почему учитель плачет? Кто вас обидел?

Юнь Тин подумал: кто может меня обидеть? Это я обижаю других. Он с силой ухватился за Ши Сюньлюя, который придвигался все ближе, и его лицо, обычно лишенное серьезности, вдруг стало строгим:

— Я не плачу.

Только что ворковал с другой девушкой, а теперь лезет к нему. Распутник.

Юнь Тин, хоть и не знал толком, что такое любовь, понимал, что нельзя усидеть на двух стульях. В ярости он оттолкнул Ши Сюньлюя:

— Отойди!

Ши Сюньлюй не ожидал, что Юнь Тин так разозлится, и, не ожидая отпора, ударился спиной об угол стола. Острый край вонзился в старую рану, кровь пропитала одежду на спине, и он болезненно охнул.

Юнь Тин испугался. Его бросило в холодный пот. Глядя, как лицо Ши Сюньлюя мгновенно побелело, он засуетился, крепко сжал его руку и забормотал:

— Ты... ты...

Он пытался что-то сказать, но не смог выдать ни слова.

Ши Сюньлюй, преодолевая боль, хотел успокоить его, но не успел: Юнь Тин просунул руки под его колени и одним движением поднял его на руки.

<http://bllate.org/book/19526/1914588>